

Акоб Упрендер
Хенрикус Инститор

МОЛОТ ВЕДЬМ

РУКОВОДСТВО
СВЯТОЙ ИНКВИЗИЦИИ

**Яков Шпренгер
Генрих Инститорис
Молот ведьм. Руководство
святой инквизиции**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18397585

Молот ведьм. Руководство святой инквизиции / Я. Шпренгер, Г.

Инститор.: Алгоритм; Москва; 2016

ISBN 978-5-906842-63-3

Аннотация

«Молот ведьм» уже более 500 лет очаровывает читателей своей истовой тайной и пугает буйством мрачной фантазии. Трактат средневековых немецких инквизиторов Якоба Шпренгера и Генриха Крамера, известного также как Генрикус Инститор, – до сих пор является единственным и исчерпывающим руководством по “охоте на ведьм”. За несколько сотен лет многое изменилось. Мир стал другим, но люди остались прежними. Зло все также скрывается внутри некоторых из нас. Творение Шпренгера и Крамера – главная книга инквизиторов. В неустанной борьбе за души несчастных женщин, поддавшихся искушению дьявола, они постоянно обращались к этому трактату, находя там ответы на самые насущные вопросы – как распознать ведьму, как правильно вести допрос, какой вид пытки применить...

Содержание

Предисловие	4
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Якоб Шпренгер, Генрикус Инститор Молот ведьм. Руководство святой инквизиции

Предисловие

Известный богослов II в. Иринея, автор влиятельного сочинения «Пять книг против ересей», был, по-видимому, первым христианским писателем, пытавшимся установить правовое отношение между богом и Христом с одной стороны и дьяволом – с другой.

По учению Иринея, дьявол получил право власти над человеком в тот момент, когда человек под влиянием обольщения и искушения нарушил божеские предписания и совершил грех. Разумеется, обольщение и вовлечение человека в грех являются преступлением дьявола, насильственно вмешавшегося в сотворенную богом область, но раз человек добровольно дал себя обольстить и отошел от бога, дьявол получил полное право господства над человеком. Бог мог бы лишить дьявола плодов его преступного вмешательства, но по своей неизреченной справедливости он этого не делал и

предоставил дьяволу право на уже раз оболъстившегося человека. Это право должно было быть отнято у дьявола человеком, который таким же добровольным путем освободил бы себя от оболъстительной силы дьявола и тем лишил бы последнего права господства над человеком. Так было бы восстановлено первоначальное правовое отношение между тварью и ее творцом, и дьявол был бы побежден и более не обладал бы властью над человеком.

Иринеи Лионский (ок. 130 года – 202 гг.) – один из первых Отцов Церкви, ведущий богослов II века и апологет, второй епископ Лиона. Принадлежал к малоазийской богословской школе. Его сочинения способствовали формированию учения раннего христианства

Но добровольное освобождение из-под власти дьявола

превосходит силы человека, и вступился спаситель, который должен был быть человеком, так как добровольное освобождение человека должно было идти по пути права, законного возвращения человека из-под власти дьявола в лоно божества. Но спаситель должен был быть больше, чем человек. Дьявол мог быть побежден лишь совершенным, абсолютным повиновением Иисуса: из-за греха одного человека все люди стали греховны, а в силу совершенного повиновения одного все люди очистились от греха. Смертью спасителя люди освободились от власти дьявола, и последний был пленен. Но дьявол совершил ошибку: он принял Христа, который был безгрешен, за греховного человека, и впадение в эту ошибку привело дьявола к поражению. Так как дьявол первоначально не имел права на человека, то Иисус, собственно, вернул творцу то, что ему принадлежало с самого начала.

Правовая теория Иринейя (ум. в 202 г.) нашла энергичного и неутомимого защитника в лице Оригена (ум. в 254 г.), доказывавшего, что дьявол был обманут спасителем. Получив в силу греха власть над человеком, дьявол мог вернуть ее лишь взамен какого-либо возмездия, эквивалента таковым была кровь спасителя. Так смерть спасителя стала средством уничтожить силу дьявола: человечность во Христе была приманкой, на которую оказался так падок дьявол, и он, подобно крысе, попал в мышеловку. Не заметив божественной силы Христа, скрывавшейся под человеческой оболочкой, дьявол проглотил вместе с мясом и ангельскую боже-

ственность, и богослов Григорий Назианзин (ум. в 390 г.) радуется, что дьявол остался в дураках. Стремясь за мнимо смертным, дьявол, по словам папы Григория Великого (см. его объяснения в книге Иова, так. назыв. *Mogalia*), потерял тех смертных, которые были в его власти: так гонишься за тенью и теряешь наличие. Ту же мысль подробно развивал в сочинении «Точное изложение православной веры» крупнейший представитель греческой церкви VIII в. Иоанн Дамаскин. По его словам, дьявол был побежден, потому что вынужден был изрыгнуть раз проглоченное, когда он почув-ял запах непогрешимого животворящего тела. И вплоть до Петра Ломбардского (ум. в 1164 г.), изображающего искупителя на кресте в виде мышеловки, церковные проповедники и писатели варьируют на разные лады основную мысль Иринея о потере дьяволом дальнейшего господства над людьми и об искуплении как об освобождении человека из-под власти дьявола.

Какие глубокие корни пустила эта теория об обманутом Христом дьяволе, можно видеть, например, из того, что даже в XV в. в Германии вышла книга из кругов, близких Маркионитским общинам, являвшаяся как бы правовым диспутом между Христом и дьяволом на тему о праве власти того и другого над людьми. Книга озаглавлена: *Ein Gerichtzhandel zwischen Belial hellishen Verweser, als Klager einen Tail, und Jesus Christus himmlischen Gott Antworter* (Правовой спор между Белиалом, управляющим преисподней, в качестве жа-

лобщика с одной стороны и Иисусом Христом, небесным богом, ответчиком с другой стороны... Страсбург, 1484).

Так Иринея ввел дьявола в церковную догматику, определив ему в ней точное место. Иринею же принадлежит и ясно выраженная мысль о том, что дьявол создан подобно другим ангелам, что он по природе своей добр, обладает свободной волей и мог бы творить одинаково доброе и злое, но по собственной воле и вине стал злым и творит одно лишь злое. Он злоупотребил своею свободою ввиду присущих ему гордыни, надменности и чванства, а также в немалой степени зависти, за эти свойства он, по словам Оригена, был низринут с неба на землю и превратился в своего рода падшего ангела. Особенно сильно разгорелась его зависть, когда он убедился, что у Адама и Евы имеются дети; он убедил Каина убить брата, любезного богу, и благодаря этому стал родоначальником смерти, продолжающейся и ныне. Кроме указанных свойств, на падение дьявола с неба влияла еще и его непомерная похоть, причина падения столь многочисленных ангелов, гнавшихся за дочерьми смертных. От сожителства с ними падших ангелов произошли недостойные небожительства демоны, помощники и сотрудники дьявола, рыскающие по свету и причиняющие людям много зла. По словам Иринея, падение дьявола произошло в период между сотворением человека и его искуплением, причем падший ангел телесен.

По убеждению богослова II в. Татиана, тело дьявола и демонов состоит из воздуха или огня. Будучи почти телесны-

ми, дьявол и его помощники нуждаются в пище, и Ориген утверждает, что они жадно глотают жертвенный дым. Они умственно и физически богаче одарены, нежели обыкновенный смертный, и ошибочно предполагать, учит Татиан, что они – души умерших. На основании расположения и движения звезд они предвидят будущее, а также обладают потаенными знаниями, которые охотно открывают женщинам.

Последнее положение подчеркивается Климентом Александрийским, великим учителем церкви конца II в. в его сочинении Строматы (Разноцветные ковры).

Наравне с падшими ангелами армию дьявола составляли языческие божества древнего мира, превратившиеся в процессе развития христианства в презренных и коварных демонов. Подобно тому как в Персии при переходе от старого язычества доисторических иранцев к религии Зороастра прежние боги, носившие имя дева, стали дьяволами, подданными губительного Аримана, и их культ был запрещен, а самое имя дева стало употребляться для наименования дьявола, точно так же греко-римские божества, как и слово даймон, некогда обозначавшее божество, были низведены торжествовавшим христианством с божественного пьедестала и низринуты в пучину дьявольской преисподней.

Для христиан бывшие боги стали дьяволом и демонами, т. е. превзойденными божествами, не поспевающими за колесницей истории, богами отсталыми, богами прошлого, мнимыми и ложными богами, и, как всякие пережитки, они

потеряли свою божественность и превратились в ее противоположность. Для всех отцов церкви первых трех веков, пишет Сольдан, не было сомнения, что боги греков и римлян были демонами... это их голос звучал в оракулах, это они вникали в птиц и животных, в храмовые статуи и т. д.

Но христианин может заставить дьявола и демонов, этот хлам древнего мира, сознаться, что они вовсе не боги, а лишь мертвые боги, реально, однако, существующие.

Недаром они проявляют себя в своем старом образе и в христианском мире.

Так, знаменитый турецкий епископ св. Мартин, живший в IV в., часто видел демонов в образе Юпитера, Меркурия, Венеры и Минервы; гораздо позже, через несколько столетий, епископ Райнальдо из Ночеры беседовал с демоном, явившимся к нему в лице Юпитера, а также Бахуса и Венеры. Точно так же ученый XIII в. Вильгардо из Равенны имел случай столкнуться с ушедшими в область преданий богами, ставшими ныне дьяволами: однажды они предстали перед ним в образе любимых Вильгардо писателей древности – Вергилия, Горация и Ювенала. Греко-римское происхождение дьявола побудило однажды Ермолая Барбаро, умершего в 1493 г. патриархом Аквилеи, обратиться к дьяволу с просьбой разъяснить ему, что означает аристотелевский термин энтелехия.

Осведомленность дьявола должна была быть, по мнению целого ряда богословов средневековья, крайне обширной,

ибо вся древняя премудрость, по сути своей ложная, но крайне разнообразная и поражающая своей пестротой, является детищем этих ныне превзойденных и ставших дьяволами богов. И не только в древней науке эти дьяволы сильны и опытны, они создали и всю материальную культуру древности и, следовательно, являются удивительно ловкими мастерами, зодчими и художниками.

Отсюда – необыкновенные способности черта, дьявола.

Это им была построена в царствование императора Адриана стена между Англией и Шотландией, ему принадлежит необыкновенная постройка моста в Шелленене (Швейцария), это он соорудил мост через Дунай в Регенсбурге, через Рону при Авиньоне и т. д. Его искусство в этом отношении так велико, что он вступил в состязание с архангелом Михаилом в деле сооружения в Нормандии самой красивой церкви. Мало того, из легенд веков Виктора Гюго известно, что дьявол стал спорить с самим богом, кому из них удастся создать самую красивую в мире вещь. И, в то время как дьявол засучив рукава стал в своей кузнице ковать прекраснейшую вещь, бог из паука создал солнце, и дьявол был посрамлен. Мертвый бог, бог отошедшего прошлого, поганый бог, конечно, мог быть только побежден настоящим, действительным, живым богом.

Однако, будучи всезнайкой и всесторонним искусником, дьявол все свое внимание и все свои необыкновенные способности сосредоточивает на том, чтобы как можно боль-

ше вредить человечеству, как можно сильнее ударить по людям, как можно глубже подорвать власть бога над людьми и подчинить их своей сатанинской власти. В этом отношении нет различия между происхождением того или иного демона: падший ангел и бывший римско-греческий бог преследует одну и ту же цель, обладают одними и теми же свойствами, основная черта их деятельности – причинение зла, вредительства, малефициум. Вот почему их с точки зрения их основной деятельности следует называть малефиками (зловредителями).

Их вредительство чаще всего проявляется через людей, которых они наделяют особыми способностями, направленными ко злу, и которых обычно называют колдунами, кудесниками, чародеями, волхвами, прорицателями, заклинателями и т. п. Непосредственно или через колдунов дьявол всегда и везде старается причинить людям физические страдания, насылает засуху, неурожай, голод, чуму, мор, проказу и иные бедствия, правда по попущению божьему. И нравственное зло имеет своим источником дьявола и его помощников: они насаждают язычество и заставляют язычников смотреть на них, как на божество. От них исходят толкование примет и знамений, умение угадывать, равно как разные магические фокусы, чародейство, колдовство и астрология. Они враги христианской веры, толкают людей на ереси и язычество, по их наущению происходят самые жестокие гонения на христиан и на их веру. По учению св. Киприана

на, бывшего в III в. главою церковей проконсульской Африки, дьявол является созидателем всякого церковного раскола и ереси.

И для крупнейшего авторитета раннего средневековья, для блаженного Августина (ум. в 430 г.), языческие боги, которым римляне приносили жертвоприношения, были на самом деле демонами, реальное существование которых бесспорно, но злая воля которых теперь, в силу торжества христианского вероучения, может быть смягчена и ослаблена не жертвоприношениями, а христианским экзорцизмом. Без этого средства дьявол может вызвать всякие болезни и напасти, неурожай, засуху и голод. Августин же твердо уверен в возможности превращения человека в животное и говорит, что дьявол может настолько исказить лицо какого-либо человека, что окружающие принимают последнего за то или иное животное. Это предположение Августин сопровождает и другим: возможно, говорит он, что окружающие видят не самого человека, а его фантастикум, отделившийся от него, как то происходит во сне, и принявший, в силу вмешательства дьявола, образ определенного животного. Этот фантастикум принимается Августином за незыблемый факт, ибо за него говорят бесконечные случаи во сне, когда от человека отделяется и уносится в бесконечное пространство его фантастикум. По существу, Августин ставит знак равенства между душой и фантастикумом, распространяясь на тему превращения последнего в образ животного или какого-ли-

бо человека под влиянием чародейственных сил дьявола.

Может ли и тело, подобно душе-фантастикуму, носиться по воздуху? У апостола Павла, вознесшегося на третье небо, Августин не находит точного ответа на этот вопрос и потому оставляет его открытым.

Не решается Августин положительно ответить и на вопрос о том, может ли дьявол сотворить новое существо; не зная, какой дать ответ, Августин говорит, что скрытое в элементах семя дьявол хорошо видит, и из этого семени, используя свое умение, он быстро сколачивает нужное ему животное, хотя оно им и не создается. В этом случае демон напоминает и некоторых людей, которые из разных веществ могут создать червей и мух. Он полагает также, что было бы бесстыдством отрицать возможность плотских сношений дьявола с женщиной ввиду многочисленных заявлений о таковых сношениях. Разумеется, всякие дьявольские напасти, как говорит Августин, происходят с божьего попущения, с разрешения бога, как это вытекает из общего учения о зле, попускаемом богом.

Подлежит ли колдун наказанию? Поскольку колдун, как орудие злой воли демона, причиняет людям вред, порчу, зло, насылает на них всякие беды и несчастья, отнимает у них сон и спокойствие, лишает их пищи и удовольствия, он еще в древнем мире подлежал, как всякий преступник, суровому наказанию в меру своего преступления.

Чем больше вреда он приносил, чем значительнее был его

малефиций, тем беспощаднее была постигавшая его кара и тем явственнее торжествовала свою победу принцип справедливого возмездия. Так как колдун находился во власти богов прошлого, служил им, то всякое поклонение отжившим богам, которые, в силу своей превзойденности, превращались в злых преступных демонов, было в античном мире наказуемо, и наказание колдуна носило с внешней стороны религиозный оттенок, хотя по существу оно было чисто светским.

Демонослужителя или идолопоклонника (что было одно и то же) наказывали не за грех, не за веру в отжившего бога или в его изображение – икону или идол, а за его преступление, совершенное по наущению мстящего миру бога прошлого, отставшего от нынешней культуры. Если римские императоры преследовали христиан, то в этих преследованиях не было религиозного момента: христиане находились во власти злых богов, демонов и идолов, которые, в силу своей природы, толкали их на преступление, за что христиане и терпели соответственные наказания.

Такое же отношение к колдунам воспринял на первых порах и христианский мир: возврат к идолопоклонству, который теперь означал веру в римские божества, наказывался, потому что старые боги в качестве демонов и дьявола могли подстрекать отпавших от христианства лишь ко злу, к причинению людям одних лишь бедствий и несчастий. Так как смерть от отравления особенно сильно поражала окружающих, то колдунов стали отождествлять с отравителями, и ма-

лефиций часто даже назывался венефицием, т. е. ядовредительством.

Однако если светская власть должна была преследовать преступных колдунов как убийц и прочих вредителей, то и церковь, боровшаяся за рост своей паствы, не могла относиться безразлично к отходу отдельных ее членов, отход ведь был тем более опасен, что мог совершаться безнаказанно, если идолопоклонник не совершал никаких вредительских актов, несмотря на своего злого искуителя.

Неудивительно, что церковь постепенно начала включать отпавшего члена в разряд и церковных преступников, на которых должны распространяться духовные наказания. К последним относились в качестве особенно тяжких отлучение от церкви и отказ в причастии перед смертью грешника для церкви, при этом не играл существенной роли размер преступления вернувшегося к старому богу преступника. Церковь наказывала не за вред, нанесенный обществу, и не за преступление, причиненное человеку, а за отпадение от церкви, за отступление от слова божьего, отступление, могущее и не сопровождаться уголовным преступлением, малефицием. В круг колдовства – малефиция – входили магия, прорицательство, гадание, обворожение и т. п., причем колдун мог действовать через заклинание или всякими иными средствами, которые ему подставлял дьявол.

Собор 306 г. в Эльвире самым суровым образом осуждает колдовство ввиду того, что оно возможно лишь в силу воз-

врата человека к идолопоклонству. На этой же точке зрения стояли соборы 314 г. в Анкире и 375 г. в Лаодикее, указывавшие, что представители духовенства зачастую занимаются колдовством, изготавливают амулеты и становятся заклинателями, гадателями и математиками.

С этого момента ряд соборов останавливается на страшном колдовском преступлении и включает в него поклонение деревьям, скалам, камням, источникам и т. п. Провинциальный собор 551 г. в Элузе не ограничивается уже духовными карами и требует наказания плетьюми для колдунов низкого и рабского звания. Нарбонский собор устанавливает продажу в рабство свободного человека, впавшего в идолопоклонническое колдовство. Таким образом, со середины VI в. мы видим, что церковь требует двойного наказания колдуна и привлекает к его наказанию и светскую власть. Само преступление является таким, которое касается обеих властей оно смешанное – *delictum mixti fovi* – даже в том случае, когда колдун не причинил вреда, не совершил *maleficia*.

Эти постановления соборов, равно как и аналогичные заявления папы, не могли не просачиваться в светское законодательство, хотя последнее стремилось иметь дело лишь с зловерными деяниями колдунов, с учинением ими порчи тому или иному человеку, по жалобе которого и свершался суд над колдуном. Частный характер раннесредневекового суда, где инициатива и обвинение исходили от пострадавшей стороны и где отсутствовал принцип общественного об-

винения, как нельзя лучше гарантировал этот суд от преследования таких колдунов, которые, по учению церкви, были отчаяннейшими преступниками, но своими действиями не вызывали жалоб и не подавали пострадавшим повода к обращению к суду за наказанием гадателя, метателя жребия, ясновидца, вязателя узлов, математика и всякого иного безобидного вида колдовства.

Оставляя в огромном большинстве случаев вне поля своего зрения не причиняющих вреда колдунов, светский суд в то же время осуждает тех, которые творят насилие над летающими по ночам женщинами, которых называют стригами, ламиями или масками и которым приписывают такие ужасные преступления, как высасывание внутренностей из живых людей или пожирание малых детей.

Светское законодательство считает безумием все эти рассказы и предостерегает от веры в них, подчеркивая, однако, факт существования колдунов как зловерителей (малефиков), так и таких, которые своим колдовством не причиняют людям особого ущерба. Эдикт лонгобардского короля Ротара 643 г. прямо запрещает христианам верить тому, что женщины могут быть вампирами и высасывать внутренности из живых людей, и приказывает судьям не допускать, чтобы заподозренные в таком невозможном преступлении женщины убивались безумцами. Карл Великий пошел гораздо дальше Ротара и в своем первом саксонском капитулярии от 787 г. говорит, что смертная казнь должна постичь того, кто, оду-

раченный дьяволом, верит, подобно язычнику, в существование пожирающих живых людей стриг или ламий и на этом основании убивает этих несчастных мнимых преступников.

Так светское законодательство проводит резкую грань между колдовством и языческим безумием. Колдун – реальность, он несет с собою малефиций своему ближнему и подлежит, как вредитель, суровому наказанию; вампир – стрига, ламия или маска не существуют и являются бредом одураченных дьяволом отдельных безумцев, совершающих тяжелые насилия над мнимыми преступниками, за что сами должны подлежать ответственности перед законом.

Печать «Священного трибунала» в Испании.

Святая инквизиция (лат. *Inquisitio Haereticae Pravitatis Sanctum Officium*, «Святой отдел расследований еретической греховности») – общее название ряда учреждений Римско-католической церкви, предназначенных для борьбы с ересью

Но если светский суд отмежевывал себя от народных безу-

мий, то церковные взгляды, наоборот, все более и более приближались к народному безумию и вскоре овладели и светским судом.

До IX в. светское законодательство упорно ставило ударение на вреде, учиняемом колдунами, и в меру этого вреда устанавливало для малефика то или иное наказание, с момента же ослабления светской власти и усиления церковной начинается выпячивание религиозного характера преступного колдуна. Его ждет наказание не только за то, что он учинил ущерб людям, но и за то, что он совершил богохульство, впал во власть демона, преклонился перед силой языческого начала, и степень наказания, определяемая светским судом, соответствует все более и более величине греха, а не преступления: убийство, совершенное без специфической примеси колдовства, может быть наказано менее сурово, чем гадание или заговаривание, в котором ярко сказался элемент дьявольского наваждения.

Так светский закон, ища сближения с церковью, впитывает в себя канонические элементы и не только предлагает церкви свой карающий меч, но и сам проникается ее духом и отклоняется от прежнего взгляда, видевшего в преступнике-колдуне вредителя, а не грешника.

Это загрязнение светской мысли церковными началами имело роковые последствия, когда церковь не только все более и более стала выпячивать греховный характер кол-

довских преступлений, но и санкционировала, расширяла и углубляла народное безумие, связанное с представлением о летающих стригах, пожирающих живых людей вампирах и живущих половой жизнью с дьяволом женщинах, способных оборачиваться в самых разнообразных животных – все эти безумные бредни, которые так определенно и резко осудил император Карл Великий и еще до него лонгобардец Ротар.

Народные верования, осужденные как безумие светским законодательством, были, как мы уже видели, настолько близки Августину Блаженному, что он говорил о полетах, о вознесении (*raptus*) человека, если не его тела, то, во всяком случае, его фантастикума, принимавшего под влиянием дьявола внешний вид телесного существа.

Несмотря на огромный церковный авторитет Августина, его рассуждения о дьяволе, изложенные в Дьявольской натуре и Прорицательстве демонов, не получили широкого освещения в теологической литературе до середины VII в., когда, опираясь на учение Августина, епископ Исидор Севильский написал свою богословскую энциклопедию, названную Этимологиями. В этом сочинении Исидор подробно говорит, как колдуны вызывают град, дождь, засуху и иные перемены в природе, как они владеют умением оборотить одно животное в другое, человека в волка и другого зверя – все это для него совершенно бесспорно, хотя он и ссылается лишь на язычников, например на римского поэта Горация и некоторых других. Что касается летающих ламий или масок, по-

жирающих и похищающих детей и являющихся демонами, сделанными из людей (*ex hominibus daemones facti*), то Исидор более знает о них из слухов, чем из достоверных фактов, хотя и имеет мало оснований не доверять этим слухам. Относительно же половой жизни демона с женщиной Севильский епископ дает более определенные данные: в этом, по его мнению, сомневаться нельзя, хотя снова у него делаются ссылки только на язычников. Этими рассуждениями церковь в лице одного из самых видных своих авторитетов сделала шаг в сторону народного безумия и усвоила его наиболее характерные черты.

Исидор Севильский не мог быть обойденным, и его Этимологии позднее комментировались и дополнялись рядом богословов, причем все они принимали его рассуждения о ламиях, вампирах, сожительстве с дьяволом как установленные данные, не подлежащие сомнению. В этом духе писал Рабан Мавр, известный майнцский архиепископ IX в., то же утверждал в качестве последователя Исидора реймский архиепископ Гинкмар, и вся богословская литература полна описаний страшных злодеяний дьявола и его бесчисленной демонской рати.

Народная фантазия обогащается учеными измышлениями, схоластическими ухищрениями и языческой мифологией. Богословская мысль питается народными суевериями и, в свою очередь, сеет в народе фанатизм, безумие и ужас. Как из рога изобилия, льются на обезумевшее человечество ком-

ментарии к великим учителям, рассказывающие о небывалых и неслыханных дерзостях и злодеяниях дьявола. Одно его деяние страшнее другого, и монахи соревнуются в изображении самого фантастического подвига ставшего героем целой эпохи дьявола. Аббат Гиберт из Ножана передает, что его собственный отец подпал под чары дьявола, и потому он, Гиберт, родился на семь лет позже, чем должен был родиться. В эти семь лет отцовской импотенции к матери Гиберта явился однажды ночью дьявол в образе мужчины, готового вступить в связь с ней, однако дьявол был своевременно прогнан добрым духом, заинтересованным в сохранении нравственной чистоты матери Гиберта.

Умением прогонять дьяволов, являвшихся к женщинам в образе мужчин, особенно отличался знаменитый проповедник Бернард из Клерво. Он много способствовал оживлению в XII–XIII вв. учения Августина Блаженного, благодаря Бернарду стали популярны в народе наиболее безумные деяния демонов и дьявола.

Не менее ужасные дела рассказывает в своем Поликратике Иоганн из Сольсбери, большой знаток сочинений Августина и Исидора. С Иоганном по части дьявольских ужасов соперничает Петр из Блуа, распространяющийся на тему о том, как по указанию дьявола женщины изготавливали глиняные фигуры, а также грязевые и через их посредство мучили своих врагов или вселяли любовь в души тех, кого любили. Из ряда нормадских монастырей распространялись по

северной Франции такие ужасы, что потребовалось вмешательство папы для успокоения монастырской братии и всего населения. То же имело место в знаменитом Корвейском монастыре, откуда исходили фантастические бредни, которым, по словам аббата Вибальда из того же Корвея, не стал бы верить даже язычник. Теперь стали принимать как нечто достоверное то, что гунны произошли от демонов, что жители острова Кипра являются детьми дьявола, принявшего вид мужчины и вступившего в половую связь с женщиной. Такой дьявол уже и раньше стал называться инкубом (сверху лежащим), в противоположность дьяволу, принимавшему вид женщины и называвшемуся суккубом (лежащим снизу). Об английском короле Мерлине говорили, что он родился от инкуба и дочери-монашенки английского короля, и Вальтер говорит о целом ряде лиц, родившихся точно таким же образом.

Вопрос об инкубах и суккубах делается излюбленной темой теологической мысли, и Вильгельм Парижский посвящает ей особенно много внимания: пигмеи, фавны, оборотни-волки и гиены – все они разные демоны и полудемоны, самым коварным образом распоряжающиеся судьбою людей. Фавн, по его мнению, есть смертное, не вполне демоническое существо, родившееся от инкуба и женщины.

Впрочем, Вильгельм Парижский полагает, что демон не в состоянии произвести на свет человека и лишь пользуется человеческим семенем, которое он вводит в женщину, ста-

новящуюся тем самым матерью.

Особенно большим авторитетом пользовался в XII в. Петр Ломбардский, умерший в Париже в 1164 г. Его Сентенции, комментировавшиеся беспрестанно почти всеми теологами до момента замены его авторитета авторитетом Фомы Аквинского, подробно говорили о разнообразных деяниях, причем вопрос о мужской импотенции, вызываемой дьяволом и служащей поводом к расторжению брака, особенно остро занимал Петра Ломбардского, разъяснявшего, что дьявольская импотенция, в противоположность естественной (*brigiditas*), делает брак невозможным лишь в отношении одной женщины, а не вообще, а потому околдованный импотенцией должен, расставшись с женой, немедленно жениться на другой. Для Петра Ломбардского вопрос о том, каким образом бог допускает расторгнуть дьяволу таинство брака, решался в том смысле, что все это совершается с соизволения бога и является результатом грехов тех, которые подпадают под дьявольское наваждение. Более трудным представляется Петру вопрос о том, почему похотливый и развратный дьявол, толкающий людей на блуд, поражает свою жертву импотенцией, которая как раз тормозит чувственную деятельность человека; по-видимому, специфический характер дьявольской импотенции, распространяющейся только на законную супругу, благополучно разрешает головоломную проблему, выдвинутую несколькими парижскими теологами.

Само собою понятно, что все эти рассуждения, повторяемые на разные лады, отравляли атмосферу и вызывали в людях представление о вездесущности и всемогуществе дьявола, проникающего в самые интимные закоулки человеческой жизни и нарушающего его покой даже там, где присутствие посторонней и враждебной силы казалось менее всего вероятным.

Ученый характер дьявольской литературы исключал возможность колебания насчет реального существования демонов со стороны необразованной массы, которая все более и более охватывалась паникой перед грозной и таинственной силой, какой был дьявол. Эта паника ввергала многих в тяжелые формы психических болезней, и люди верили в то, что они действительно околдованы дьяволом, и в то, что они, благодаря дьявольскому содействию, могут других околдовывать и превращать их в орудие своей воли. Так общество в XII в. шло навстречу большой катастрофе.

Уже давно была оставлена мысль, что сфера деятельности дьявола ограничивается исключительно некрещеными и язычниками. По своей неизреченной справедливости бог соизволяет дьяволу терзать и искушать и верующего: этим последнему предоставляется возможность добровольным, свободным выбором достичь блаженства, опозорить искусителя, укрепить в себе веру и приободрить чужую душу и совесть. Вот почему никто не может оправдываться ссылкой на дьявольское оболыщение, ведь демоны вообще не в силах

принуждать к греху, они лишь побуждают к нему.

Ориген не соглашается с тем, что без демонов не было бы грехов: собственные пороки людей, говорит он, ведут их ко злу, и демоны играют лишь роль толкачей, побудителей. Побужденный в борьбе с дьяволом сам несет ответственность за грех и не должен возлагать его на искушителя. Бог по своей милости не допускает искушения, превосходящего силы человека, и одинокий никогда не будет предоставлен во власть сразу многих демонов, к тому же человек может всегда надеяться на помощь бога. Бог не уничтожил действия дьявола на верующих, для того чтобы последние боролись с ним, были чутки, осторожны и не опускались в бездну безделья и лени.

Против дьявола, учила церковь, есть, однако, сильное средство. Это истинная христианская вера. Христианство, по словам немецкого исследователя Сольдана, казалось, создало в своем учении оплот, за который каждый верующий смело и безопасно мог становиться, не боясь вредного действия чародейства, источник которого связывался с именем вечного врага человечества – дьявола.

Еще Гермас, ученик ап. Павла, упоминаемый им в Послании к римлянам, говорил, что лучшим средством обезопасить себя от дьявола является богобоязненность, религиозное рвение: вера обращает в бегство дьявола, и демоны боятся истинно верующего. Упорство в сопротивлении путем

набожности наводит ужас на дьявола, и только неверующий может бояться дьявола. Молитвы прогоняют его, он страшится крестного знамени и исчезает при произнесении имени Христа.

По учению Оригена, побежденный верующим демон свергается в пучину и теряет право на искушение других. Чем чаще верующие побеждают, тем меньше становится число демонов и тем легче язычникам отказаться от их скверны. В общем, в распоряжении дьявола и его демонов остаются лишь язычники и некрещеные, в которых обретаются разнообразные демоны. Вот почему при крещении необходимо их предварительно изгнать, и экзорцизм, т. е. изгнание дьявола из новокрещеного, становится необходимым актом крещения, а с середины III в. существовал даже особый чин гонителя, имевший сначала дело лишь со взрослыми язычниками, отрекавшимися от своих воззрений, а потом включивший в круг своих обязанностей как выдыхание дьявола (*exsufflatio*) нечистыми детьми, так и вдыхание им (*insufflatio*) чистого божественного духа. Выходи, нечистый дух, и дай место чистому – так при крещении гласил этот чин.

Папа Григорий Великий (ум. в 604 г.) рекомендовал употребление святых мощей в качестве средства для изгнания дьявола и рассказывал, как ему удалось изгнать из одной арианской церкви дьявола, принявшего вид свиньи: с громким хрюканьем пустилась она бежать, когда перед ней пока-

зались мощи одного святого. Тот же папа в главе «О жизни и чудесах италийских отцов церкви» подробно распространялся о дьяволах и рассказывал своему церковному служителю Петру о многочисленных чудесных приключениях из жизни епископов и монахов, удачно прогонявших пристававших к ним дьяволов. Вот, например, перед нами пресвитер, обращающийся к дьяволу со словами: «Эй, дьявол, сними мне сапог!». И дьявол, преследуя какую-то хитроумную комбинацию, действительно появляется и готов снять пресвитеру сапог, но верующий, крестясь, прогоняет его вон.

В VIII в. святой Бонифаций, так называемый апостол Германии, при акте крещения, изгоняя дьявола, говорил: «Ну, вот вы теперь отреклись от дьявола, его творений и всей его помпы. Каковы творения дьявола? Язычество, обращение к ядам, заговариваниям и приметам».

Между тем дьявольская мощь и его помпа росли так, что порою даже представители церкви ничего не могли поделать с дьяволом и должны были униженно присутствовать при его творениях. Так, аббат Тритемий описывает страшный 858 год, когда дьявол пожаром уничтожил ряд домов, причем коварный ранил камнем священников, желавших помочь погорельцам и вообще бороться с огнем.

На синоде 871 г. в Майнце рассказывали, как два саксонских священника считали себя набожнее и священнее самого епископа, что привлекало на их службы многочисленную толпу верующих. В наказание епископ Луитберт сме-

стил одного, другим же священником овладел дьявол, который в данном случае явился исполнителем божественной кары, или, как говорили, министром наказаний (minister roepagum). Этот министр возмущался, когда мирянина хоронили в церковной ограде. Так, в Генуе был погребен в церкви некто Валентин: в полночь в церкви поднялся страшный шум, сбежавшиеся сторожа увидели двух дьяволов, связавших ноги Валентину и тащивших его из церкви. Сторожа в испуге бежали, а на следующий день в склепе не оказалось трупа Валентина: он лежал за оградой со связанными ногами. Событие это удостоилось специального обсуждения синода, который констатировал, что происшедшее с Валентином есть чудесная и вместе с тем ужасающая история, которая не должна быть забыта вовеки. В силу этого II канон вормского синода 895 г. постановил: «Согласно предписаниям святых отцов и в силу чудодейственных происшествий отныне возбраняется хоронить в церкви мирянина».

В связи со страшным расширением радиуса действия дьявола страх перед ним быстро увеличивается, и его всемогущество начинает угрожать даже самому богу. Возможность столкновения подобных двух сил с трудностью предвидения, на чьей стороне окажется победа, пугает многих верующих, и даже авторитетные представители церкви говорят о неограниченном всемогуществе дьявола.

Веронский епископ Ратерий в середине X в. счел себя вынужденным заступиться за всемогущество всевышнего и

подчеркнуть, что перед ним должна все-таки преклониться мощь дьявола. Последняя была, однако, настолько велика, что римский синод 963 г. с чувством досады и возмущения констатировал, что папа Иоанн XII подпал под власть дьявола, за здоровье которого он поднимал бокалы вина, призывая на помощь Юнону, Венеру и других богинь языческого мира.

Особенно внимательно богословы относились к факту многочисленных оборачиваний дьявола в домашних и неприрученных животных. Теологи определенно утверждали, что, в силу божьего попущения, дьяволу дана возможность обращать человека в животное.

Церковь не сомневалась, что в животном, произошедшем от человека, сохранялась душа, но успокаивала тем, что подобное животное не злоупотребляет человеческой душой и оставляет ее в покое. Епископ города Лозанны, убедившись, что с помощью дьявола кудесники и чародеи превратили многих людей в червей, саранчу, жаб, майских жуков и т. д., которые причинили массу вреда окрестным крестьянам, трижды обращался с епископской кафедры со словами убеждения и угроз к этим страшным паразитам, требуя, чтобы они предстали в Вифлисабурге на суд собственной персоной или через представителей. Это обращение делалось епископом при звоне колоколов и в очень торжественной форме: крестьяне опускались на колени, трижды читали Отче наш и Ave-Maria и молились о гибели саранчи и прочей

нечисти. Саранча и черви возбудили, однако, дело против епископа, им был дан защитник, но епископ выиграл дело, и во имя бога отца, сына и святого духа лозаннские черви были навеки прокляты. Но сила дьявола была так велика, что не помогло даже епископское проклятие: через год Лозанна подверглась тому же несчастью к великому позору церкви, оказавшейся слабее дьявола. И архиепископу вормскому Адельберту пришлось убедиться в слабости церкви в ее борьбе с дьяволом: в пасхальные дни 1065 г. архиепископ излечил одного больного, но дьявол не пожелал с этим считаться, и больной скончался.

За 50 лет до этого случая подобные факты в большом количестве были рассказаны на синоде в Орлеане и произвели глубочайшее впечатление на собравшееся духовенство, павшее духом от многочисленных доказательств всемогущества дьявола и под его руководством действующих волхвов, колдунов, чародеев, колдуний, одержимых и беснующихся.

«Ведьма». Художник Альбрехт Дюрер. Гравюра. 1500 г.

Что удивительного в том, что после этого в действиях всякого крупного человека, который почему-либо казался церкви подозрительным, богословская мысль прежде всего искала дьявольской подкладки. Даже сам папа подвергался та-

ким обвинениям. По словам Гфрера, против папы Григория VII возникло подозрение, что он действует с помощью магической книги, т. е. в содружестве с дьяволом. Всякое новшество, всякая смелая мысль, все, что уклонялось даже в очень незначительной степени от привычного мышления и повседневной жизни, вызывало представление о вмешательстве дьявола, о его персте.

У одного священника, рассказывал писатель-монах начала XIII в. Цезарий Гейстербахский, был очень приятный голос, и его друзья постоянно наслаждались его пением. Однажды услышал его пение какой-то знакомый монах и тотчас заявил, что подобный голос не свойственен человеку и что он принадлежит дьяволу. В присутствии всех поклонников певца монах стал изгонять дьявола из тела несчастного, и певец переживал тяжкие минуты, когда его тело покидал дьявол.

Папа Александр III запретил священнику прибегнуть к астрологии для отыскания вора, предполагая, что в астрологии запрятался дьявол.

Общее собрание цистерцианского ордена в 1183 г. запретило заниматься предсказанием чего бы то ни было, папа Гонорий III осуждал тех, которые держали пари или вообще предсказывали, кто будет назначен на тот или иной духовный пост. Впоследствии мнимо-ученый француз Габриэль Ноде опубликовал объемистую книгу, в которой доказывалось, что большинство великих людей находилось в пере-

писке с дьяволом.

Так церковь, всячески распространяя бредни о дьяволе, запуталась в собственных противоречиях и сама начала бояться дьявольского наваждения. Желая наказать слабых людей за колдовство, приравниваемое ею к ереси, церковь создала такую метлу, которая, казалось, выметет самую церковь и оставит земную юдоль всецело во власти одного лишь дьявола. На все земное надвигался в лице дьявола страшный враг, который готов вступить в поединок с самим богом, и с этим врагом церковь решила помериться силами, став на сторону бога, не желавшего единолично, по-видимому, идти на истребление даже своего личного врага.

Борьба была серьезна: два почти равные существа оспаривали друг у друга господство над миром. У бога есть ангелы и небесные полки, у дьявола – бесчисленные полчища демонов и подчиненных ему чертенят. Активность дьявольской рати увеличивала опасность, но церковь, победившая язычество и заставившая преклониться перед ее авторитетом императорскую власть, смело ринулась в бой, полагаясь на свое старое, испытанное в бою средство. Мечом и огнем должен быть уничтожен враг человеческого рода; кто за него, тот подлежит уничтожению, истреблению, пощады никому не будет, и дьявол будет изгнан из самых узких щелей, куда он проник.

Беспримерная погоня за дьяволом принимала тем более страшные размеры, что сама же церковь изобретала для него

все новые и новые ущелья, все более и более таинственные норы. Созданный церковью дьявол ее же стараниями принял всеобъемлющий характер и всепроникающий образ, и теперь для борьбы с ним требовалась невероятная энергия, необычайное напряжение.

Однако до XIII в. число преследований за колдовство было сравнительно невелико: церковь иногда как бы стушевалась перед государством и обычно предоставляла ему преследовать действовавших под влиянием дьявола преступников, государство же, несмотря на всякие колебания, склонялось к преследованию лишь тех, которые приносили ущерб другим людям, видя свою задачу в том, чтобы наказывать преступников, а не грешников. Правда, церковники бдили за тем, чтобы впавшие в идолопоклонство несли должное наказание, и, помимо отлучения от церкви, передавали их в руки светской власти, которая, все более преклоняясь перед силой церкви, зачастую подвергала смертной казни и таких, которые не были малефиками, т. е. преступниками в прямом смысле, а были лишь отступниками от веры.

О наиболее ранних казнях колдунов мы узнаем из сочинения Григория Турского, который в своей Истории франков описывает сожжение одной колдуньи, вызвавшей в 580 г. смерть двух королевских сыновей, а когда через три года умер и третий сын королевы Фредегунды, в его смерти были заподозрены префект Муммол и несколько женщин, дей-

ствовавших под влиянием дьявола. Муммол был подвергнут пытке и сознался, что получил от колдуний мазь и напитки с целью удержать милость короля и королевы. За это преступление он был сослан в Бордо, женщины же признали свою вину, назвали себя колдуньями, подверглись колесованию и сожжению. То был наиболее громкий колдовской процесс эпохи Меровингов.

В следующую, Каролингскую, эпоху подобный процесс возник в связи с увлечением императора Людовика Благочестивого красивой Юдифью, на которой он женился и под влиянием которой он решил перераспределить части империи в ущерб старшим сыновьям, родившимся от первого брака. Духовенство пришло на помощь обиженным императорским сыновьям и заявило, что любовь Людовика Благочестивого вытекает из колдовских чар Юдифи и что во дворце имеется очаг кудесников, ворожителей и колдуний, которые околдовали императора, этого невинного барана, который придет в себя, как только будут изгнаны из дворца забравшиеся демоны. Началась борьба между отцом и старшими сыновьями, во время этой борьбы была захвачена в Шалоне монахиня Герберга, сестра одного из виднейших сторонников Юдифи; Герберга была обвинена в maleficium и veneficium, т. е. в учинении ущерба и яда, и была брошена в реку Саону.

Этот вид наказания колдуний стал распространяться в IX в., и его старался применить к своей жене Тейтберге им-

ператор Лотар II, обвиняя Тейтбергу в том, что он из-за колдовства не может исполнять супружеских обязанностей. Лотар II нашел поддержку со стороны архиепископов Трира и Кельна и епископа Меца, оказалось, однако, что Тейтберга тут совершенно ни при чем: императорская болезнь была вызвана его любовницей Вальдрадой, надеявшейся расторгнуть этим путем брак Лотара с Тейтбергой. Вальдрада должна была пострадать за свое коварство. В смерти в 899 г. сравнительно молодого короля Арнульфа также видели коварство колдунов: король был во цвете лет, и казалось, что участие в его смерти злой силы бесспорно. Какой-то приближенный короля был казнен, другой бежал, а настоящая виновница преступления, Рудпург, была подвергнута пытке, под ее тяжестью она созналась и была повешена в Айблинге.

В XI в. число колдовских историй, доходивших до суда, значительно увеличилось, одновременно с этим колдовские случаи единолично подавлялись сильными мира сего, не доводившими их до светского или духовного суда. Так, например, с трирским архиепископом Поппо в 1016 г. произошло следующее: он заказал одной монахине изготовить ему пару сапог. Так как Поппо сильно нравился монахине, то она околдовала сапоги, которые вызывали сильную страсть к монахине у тех, которые надевали эти сапоги. Как только Поппо надел сапоги, он почувствовал необыкновенную страсть к монахине и догадался, что с сапогами творится что-то неладное, он тогда предложил эти сапоги нескольким

знакомым, которые тоже тут же воспылали страстью к этой монахине. Дьявольское наваждение было бесспорно, и Поппо разогнал всех монахинь монастыря Пфальцеля, не разбирая правых и виновных. За эту скоропалительность Поппо нажил гнев бога и должен был отправиться в Иерусалим, чтобы искупить свой поступок.

Аналогичный случай колдовства имел место в отношении кельнского архиепископа, в 1075 г. заподозренная колдунья была сброшена с высокой городской стены. Такое же наказание постигло в Ангулеме колдунью, которую обвиняли в учинении ужасной болезни графу Вильгельму. Под пыткой колдунья отрицала свою вину, поединок, установленный для выявления ее преступления, не дал определенного результата, и Вильгельм склонен был считать ее невиновной, однако после его смерти говорили, что женщина эта околдовала глиняные фигуры, и сын Вильгельма, граф Алдуин, подверг ее казни, не обращаясь к суду. В 1090 г. в Фрейзинге из-за конфликта с епископом суд некоторое время совершенно бездействовал, и заподозренные в колдовстве три женщины были подвергнуты толпой испытанию водой. Испытание не дало положительных результатов, и женщин подвергли испытанию плетьюми. Под пыткой все трое отрицали свою вину, но слухи о коварстве преступниц взбудоражили жителей не только Фрейзинга, но его окрестностей, женщины вторично подверглись наказанию плетьюми и в конце концов их живьем сожгли на берегу реки Изара. Подобный же суд Линча, но

в малом размере совершили дворовые люди графа Фландрии: в 1128 г. граф однажды перешел речку Дейль под Лиллем, какая-то женщина брызнула на него водой, и он заболел сердцем и внутренностями. Граф вскоре умер, и его люди решили, что вода была волшебной. Женщину сожгли на костре. В Генте народная масса истязала в том же году одну колдунью и носила по городу ее желудок, в Бове в это время, наоборот, над колдуньей был совершен настоящий суд, в котором приняли участие как городское правление, так и духовенство. Колдунью сожгли на костре при торжественной обстановке. В Зоэсте около этого времени был сожжен молодой священник как зловредитель и маг: его обвиняла в колдовстве красивая женщина, которой он после долгих безуспешных попыток овладел с помощью колдовских средств. Таковы некоторые случаи из колдовской практики до XIII в., они свидетельствуют о том, что светские суды выносили нередко смертные приговоры колдунам даже в том случае, когда ущерба налицо не было и когда все преступление сводилось к предполагаемому вызову смерти или болезни. Церковь не отставала от светского суда и пользовалась его услугами, точно так же и народная расправа жестоко мстила мнимым преступникам, но важно то, что в большинстве случаев говорилось о малефиках (зловредителях) и людей жгли и убивали не как еретиков, а как преступников, хотя церковь и подчеркивала греховную связь этих преступлений с идолопоклонством, с подчинением людей темной власти сатаны, дьявола,

демонов.

В связи с развитием средиземноморской торговли и появлением торговой буржуазии в южной Франции и северной Италии началось направленное против церкви движение. Это движение уже в XI в. приняло широкие размеры. Во главе его зачастую стояла торговая буржуазия, недовольная тем, что церковь стесняла ее размах и конкурировала с ней там, где церковь сама начала торговать. К этому движению вскоре примкнули городская мелкота и крестьянство, разоряемые и возмущенные церковной десятиной и всяческими иными поборами, ложившимися на крестьянство тем более тяжело, что сравнительно бурное развитие торговли выбивало из колеи множество трудящихся элементов, превращавшихся в безземельных и не находивших применения своему труду в городе, где отсутствовала промышленность и где торговля требовала небольшого количества человеческих рук. Это народное движение, руководимое торговой буржуазией, но опиравшееся на крестьян и ремесленников, церковь назвала еретическим, окрестив его сторонников именем катаров. К этому антицерковному движению присоединилась и значительная часть землевладельческой аристократии, ненавидевшая церковь за ее обширные владения. Так, огромное большинство замков между городами Тулузой и Кастельнодари были населены к концу XII в. и началу XIII в. катарами или лицами, им сочувствующими. В Монтескье в 1215 г. почти все дворянство находилось под влиянием катарского

священника де Ла-Мота. То же имело место в Монжискаре. Дворяне из катар нередко захватывали у монастырей и церквей их имущество под предлогом, что церковь должна жить не в роскоши, а в нищете и бедности. Папа Целестин III в 1196 г. горько жаловался на то, что земельная аристократия ограбила монастырь Сен-Жиль. Архиепископ Нарбонны ставил в вину аристократической семье Ниор ее грабительские замашки в отношении ряда церквей и монастырей. Особенно широкие размеры катарство приняло среди сеньоров в Фуа, Тулузе, Каркасоне, Логарэ и т. д., недаром папство утверждало, что весь Верхний Лангедок охвачен ересью, и, когда на юге Франции была введена инквизиция, на кострах ее было сожжено немало и аристократов. Характерно, что земельная аристократия оказалась гораздо трусливее, чем буржуазия, ремесленники и крестьяне. После первых же свирепых деяний инквизиции явилась с покаянием аристократия, которая лишь на первых порах, преимущественно до введения инквизиции, широко и открыто выступала против жадной и лопающей от богатства церкви.

Помимо юга Франции, катарство нашло последователей и в северной Италии, где действовали те же экономические факторы, что и в Лангедоке. Кроме того, в Италии на антицерковное настроение влиял и политический момент. Враги светской власти папы не хотели подчиняться Риму и стремились либо к независимости, к созданию в северной Италии ряда маленьких государств, либо, если независимость была

невозможна, к усилению императорской власти за счет папской.

Как всякая ересь, катарство подлежало в первую очередь церковному суду, приговоры которого до XI в., до появления катарства, часто ограничивались духовными наказаниями, как то: епитимией, временным отлучением от церкви, иногда пожизненным, не дававшим возможности получить причастие даже на смертном одре. Правда, церковь время от времени побуждала светские суды выказывать свою благочестивую суровость (*pius rigor*) в отношении еретиков и применять к ним смертную казнь, и государственные суды покорно подчинялись этому требованию. Но такие обращения носили скорее эпизодический характер, и лишь с появлением катаров церковь потребовала, чтобы все суды, безразлично духовные или светские, встали на защиту попираемой церкви, и во имя истребления ереси заклинала весь христианский мир не останавливаться ни перед чем и широко применять всю мощь своей карающей власти. Так как в катарской ереси были налицо элементы, сближавшие ее будто бы с колдовством, ибо катары превозносили силу дьявола и приписывали ему господство над материальным миром, то карательные органы решили подвергать катаров тем наказаниям, каким они подвергали наиболее закоренелых колдунов, зловерителей. И в 1022 г. в Орлеане была по распоряжению французского короля сожжена первая партия катаров. Выбор именно этого вида наказания мотивировался тем, что со-

жжение – наиболее болезненное наказание и что оно уничтожает без остатка преступника-еретика. Вслед за орлеанским сожжением запылали костры в Тулузе, Лиможе, Монтефорте, Аррасе и других местах. Энергичная деятельность светских и церковных судов привела к загону катарской ереси в подполье. Но процесс разложения феодального и натурального хозяйства продолжался, народное недовольство усиливалось, крепла торговая буржуазия, учащались ее столкновения с церковью, и противоречия общественной жизни выливались в форму религиозного брожения – рядом с катарством, начавшим постепенно сходить со сцены, появилось близкое ему по духу движение вальденцев.

По своему размаху вальденство было гораздо обширнее катарства – настолько, насколько XIII в. значительно дальше ушел в своем развитии предшествовавшего ему века, тем более что крестовые походы ускоряли темп общественной жизни и Европа за одно столетие пережила больше, чем переживала обычно за два или три столетия. Вальденство стало представлять серьезную опасность для церкви, и последняя решила напрячь все свои силы для борьбы с этой новой ересью. Церковные суды в глазах папы считались недостаточно сильным орудием для искоренения этой страшной опасности, были объявлены внутренние крестовые походы, а затем была введена и инквизиция.

Инквизиция должна была вырвать из Европы жало ереси.

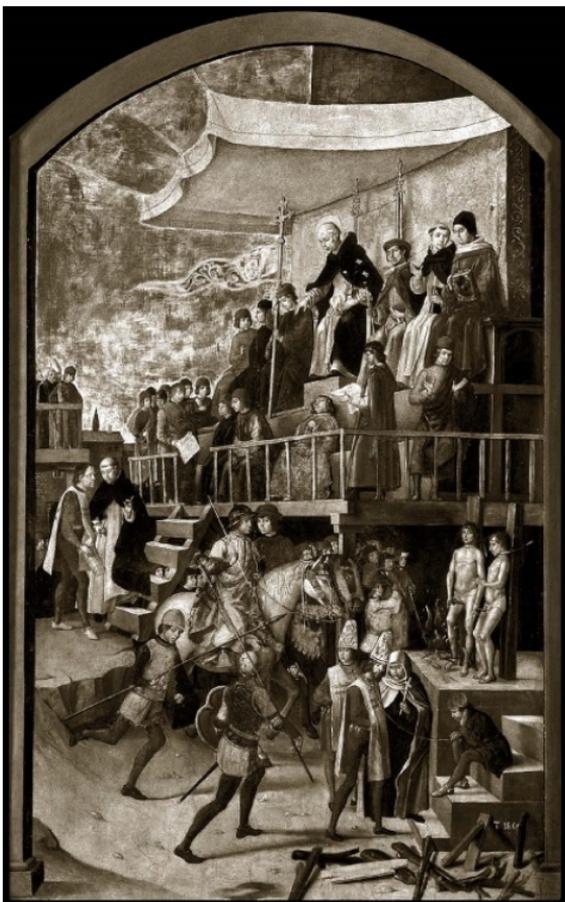
Но есть ли колдовство – ересь? Ведь ересь характеризуется, во-первых, ошибкой в мышлении (*error in ratione*), а, во-вторых, упорством (*pertinacia*) в этой ошибке. Но ведь колдун, веря в дьявола, не совершает ошибки в мышлении, ибо дьявол действительно существует, и упорство колдуна не может быть еретическим, так как он упорствует не в ошибке, а в том, что фактически подтверждается и церковью, и всеми ее авторитетами. Правда, еретиком называется всякий вообще, кто либо рождает ложные или новые мысли, либо следует им (*falsas vel novas opiniones gignit vel sequitur*). Но ведь колдун не рождает ни ложных, ни новых мыслей, и казалось, что все виды колдовства, которое так трудно подогнать под ересь, останутся вне сферы компетенции инквизиционных судов.

И действительно, когда известный своей жестокостью доминиканец-инквизитор Бернард из Ко, прозванный Молодом еретиков, открыл в 1245 г. еретическое гнездо в местечке Лемас Сен-Пюэль (между Тулузой и Каркасоном) и привлек к своему трибуналу в качестве полусвидетелей-полупреступников поголовно все население местечка, он не считал в качестве инквизитора возможным возбудить дело против какой-то колдуньи, заявившей, что она околдовала одежду, пояс и сандалии своих соседок, чтобы предохранить их от всех болезней. Точно так же нет почти никаких указаний на колдовских преступников в тех 5600 процессах, какие были возбуждены этим же Бернардом из Ко, хотя он действовал в том районе, который в XIII веке насчитывал немалое

количество колдуний и колдунов. И тулузский инквизитор Бернард Ги, действовавший в начале XIV в., не упоминает в своих 600 процессах ни одного колдуна. Правда, это число процессов не охватывает всей деятельности Бернарда Ги, но ничто не наводит на мысль о том, что в неопубликованных процессах этого инквизитора может оказаться более или менее значительное число колдовских дел. По-видимому, инквизиторы не считали колдовство ересью, подлежащей преследованию инквизицией, и в течение 60–70 лет с момента учреждения инквизиции обычно оставляли колдунов во власти епископских и светских судов. Однако постепенно мысль о тесной связи между колдовством и ересью начинает проникать в церковную среду, и все настойчивее выдвигается необходимость включить колдовство в сферу деятельности инквизиции и отождествить колдунов с еретиками, в частности с катарами и вальденцами.

Уже в первой половине XIII в. против катаров и вальденцев, жестоко преследуемых и потому, естественно, совершавших свои религиозные обряды тайком, по ночам, в подполье, было выдвинуто обвинение в устройстве синагоги сатаны. В этой синагоге происходят якобы самые ужасные виды богохульства, церковь и Христос подвергаются жесточайшим оскорблениям, и для вящего посрамления истинной веры в эту синагогу прибывает сам сатана, которому оказываются отвратительнейшие почести и знаки благоговения. Появление сатаны дает повод стремиться в эту синагогу и кол-

дунам, чтобы там одновременно с катарами выразить свои чувства дьяволу и получить от него те или иные указания относительно колдовства. Так происходят общие собрания еретиков и колдунов. Такие собрания не могут не сблизить всех поклонников дьявола и не сплотить их в почти однородную еретическую массу. На этих собраниях колдуны вступают добровольно в союз с дьяволом и заключают с ним договор, пакт.

«Аутодафе». Художник Педро Берругете. 1475 г.

Церкви давно был известен факт добровольного союза человека с дьяволом, теперь, с середины XIII в., в связи с синагогой сатаны катаров, эти пакты стали обычным явлением — на страницах теологических трактатов их описаниями пест-

рят все работы как инквизиторов, так и прочих представителей католицизма.

Первый добровольный и в письменной форме заключенный договор с дьяволом известен еще из жизни набожного Теофила, служившего в Адане в середине VI в. в качестве церковного эконома.

Когда аданский епископ умер, решено было избрать Теофила на его место, но из скромности Теофил отказался от епископства и был избран новый человек, не знавший Теофила и сместивший его с поста эконома, так как относился к нему с подозрением, не допуская мысли, что Теофил настолько скромнен, что действительно не желал стать епископом. Оскорбленный в своих лучших чувствах, Теофил отправился к одному еврею, известному чародею, с просьбой помочь ему снова занять место эконома. Еврей повел Теофила в городской цирк, заранее указав ему, что он не должен ничего бояться и что ему следует лишь осенить себя крестным знаменем. В цирке оказалось множество людей, распевających песни с горящими факелами, среди них на троне восседал дьявол и милостиво принимал знаки благоговения. Теофил опустился перед дьяволом на колени и стал целовать его ноги. Дьявол узрел в нем новичка и спросил причину его дерзкого появления в цирке. С глубоким земным поклоном Теофил ответил: «Пришел, чтобы беспрекословно тебе повиноваться». Дьявол привстал с трона, погладил Теофила по лицу и поцеловал его.

Теофил подпал под власть дьявола, отрекся от Иисуса и Марии и вручил дьяволу собственноручно написанную грамоту с восковой печатью о том, что он вступил в дьявольскую рать. На следующий день Теофил с большой торжественностью был восстановлен епископом в качестве церковного эконома, но, будучи пленником дьявола, стал вести горделивый образ жизни, вскоре Теофил почувствовал сильные угрызения совести. В течение 40 дней и ночей он умолял пресвятую деву о помощи, под влиянием беспрестанных молитв дева не только смягчилась сама, но и уговорила сына своего простить грешника. Получив написанную Теофилом грамоту, она положила ее ему на грудь, в то время когда он уснул в церкви. Когда он проснулся и увидел на груди свою грамоту, его экстазу не было конца: он многократно во всеуслышание и самым публичным образом отрекался от своих заблуждений и славословил трижды показавшуюся ему богоматерь. Он сжег грамоту и через 3 дня умер смертью праведника. Впоследствии церковь причислила его к лику святых, и народ был широко оповещен о великом подвиге святого Теофила.

Подвиг был велик, ибо нарушение дьявольского договора было крайне редким явлением: обычно договор был неразрывен и несокрушим. Он писался кровью добровольно вступившего в союз с дьяволом, который прикладывал к нему свой коготь.

В богословском трактате, напечатанном в 1625 г. Жиль-

бером Восским, помещено факсимиле подобных договоров с подписями: точки, к которым прикасались пальцы дьявола, покрыты ржавчиной и выжжены.

В Парижской Национальной библиотеке хранится факсимиле демона Асмодея и собственноручное письмо его, адресованное аббату Грандье. Письмо это было приобщено к делу 1635 г., возникшему в связи с эпидемией одержимости, охватившей общину урсулинок в Луденском монастыре. Письмо сыграло роковую роль в деле Грандье: он погиб как вступивший с дьяволом в договор с целью погубить урсулинок Луденского монастыря, вербовавшего своих сторонниц из аристократических фамилий южной и западной Франции.

И о папе Сильвестре II говорили, что он заключил договор с дьяволом. Папа Сильвестр (Герберт) поражал X в. огромными математическими и философскими познаниями, которыми он был обязан будто бы пакту с дьяволом. Согласно бенедиктинскому историку Вильгельму Мальмесбэри, Герберт родился в Галлии и в свою бытность монахом бежал в Испанию, где изучал у сарацин астрологию и магию, вскоре один мусульманский философ взял его в свой дом и научил его чернокнижию, благодаря чему он вступил в дружбу с дьяволом. Последний обещал ему содействие в достижении папской тиары. Вернувшись во Францию, Герберт открыл школу и имел многочисленных учеников, между прочими и французского короля Роберта. Шумный успех руководителя школы обеспечил ему епископское кресло в Рейм-

се. Но епископство его не удовлетворило, и он переселился в Рим, где нашел в подземелье хранившийся клад императора Октавиана. Золото открыло ему путь к папскому престолу, и Герберт стал папою Сильвестром II. Он изготовил магическую голову, которая отвечала на все его вопросы, от нее он узнал, что умрет лишь тогда, когда отслужит молитву в Иерусалиме. Сильвестр решил никогда не ездить в Иерусалим. Однажды ему пришлось совершить молитву в церкви Святого креста, что в Иерусалиме, и после молитвы тяжело он захворал. Магическая голова указала ему на ловушку, в которую он по собственной вине попал, и Сильвестр понял, что наступил час смерти. Он созвал кардиналов, открыл свою тайну и был живьем разрезан на части и выброшен из храма. По другой версии, его тело положили на телегу с волами, похоронили на том месте, где волы стали, затем кости были положены в мраморный гроб, и с тех пор перед смертью каждого папы этот гроб покрывается обильным потом. Хронист Зигеберт (ум. в 1113 г.), наоборот, не упоминает о гробовом поте и заявляет, что Сильвестр не покаялся и был унесен чертом.

О некоторых случаях добровольного договора с чертом говорит и Вальтер, указывая, в частности, на то, что договорная грамота зашивалась колдунами под кожу, и пока она там находилась, им ничто не угрожало, наказание могло их постичь только после извлечения этого договора из-под кожи. Цезарий Гейстербахский нам рассказывает, как один свя-

щенник узнал, благодаря некромантии, что под кожей у двух колдунов зашит договор с дьяволом. Узнав об этом, священник известил епископа, который извлек из-под кожи колдунов этот пакт и подверг преступников сожжению. Это было большим торжеством церкви, до того времени бессильной в отношении этих двух колдунов. Около 1270 г. известный немецкий проповедник Бертольд из Регенсбурга публично заявил, что договоры с дьяволом заключаются с целью нахождения скрытых в земле кладов. Такого же мнения был и Фома Аквинат, который различал два вида договоров: молчаливый и торжественно заключенный, так сказать, официальный.

Ввиду огромной роли, которую играл Фома Аквинат в течение ряда столетий, необходимо посвятить ему несколько строк.

Начиная со времени появления в середине XIII в. главных сочинений Фомы Аквината «Сумма теологии» и «Сумма философии», Фома и по сие время считается ортодоксальными католиками авторитетнейшим учителем. Он отец церкви, церковный учитель, князь (princeps) теологов, доктор-ангел (doctor angelicus). Папы и соборы неоднократно славословили его и ставили свои деяния под сень этого авторитета. Папа Лев XIII в самом начале своего понтификата (1879 г.) разослал всем патриархам, примасам, архиепископам и епископам католического мира специальную энцик-

лику, где Фома Аквинат объявлялся учителем всей философии и богословия. Среди великих учителей схоластики далеко опережает всех прочих князь и магистр Фома Аквинат.

Можно сказать, что в соборах Лиона, Вьенны, Флоренции, Ватикана присутствовал святой Фома, который разбил с сокрушительной силой все ошибки греков, еретиков и рационалистов. Величайшая почесть, которая не выпадала на долю никого другого из учителей, была оказана Фоме отцами тридентского собора, когда они во время торжественного заседания возложили на алтарь вместе со священным писанием и папскими энцикликами книги святого Фомы, чтобы черпать из них советы, правила и доказательства.

Из этих книг явствует, что ошибочно, преступно считать веру во всемогущество дьявола иллюзией, что дьявол есть действительный глава целого демонского царства, что демоны с поущения божьего обладают силою портить погоду, приносить людям всякого рода зло и мешать находящимся в браке выполнять их супружеские обязанности. Мало того, когда от совокупления дьявола с женщиной рождаются дети, то они произошли не от семени дьявола или того образа мужчины, в который воплотился дьявол, а от того семени, которое приобрел дьявол от другого мужчины. Дьявол в образе женщины, совокупляющейся с мужчиной, может принять и образ мужчины и совокупляться с женщиной (Summa Fheol, часть I, вопр. 51, а. 3).

И эту мысль великий Фома всячески повторяет и в «Сум-

ме против язычников», подробно останавливаясь на чародеяниях всяких колдуний и волхвов и оперируя такими понятиями, как *incubus* (лежащий на женщине мужчина-дьявол) и *succubus* (дьявол-женщина, лежащая под мужчиной). Богословски и философски обсудив эти положения, Фома допускает, впрочем, что есть дьяволы, которым благородство их природы (*ex nobilitate naturae*) не позволяет прибегать к некоторым деяниям, они даже чувствуют к ним отвращение.

Вся эта философия находит одобрение не только в век особенно дьявольский, как называет XIII в. Густав Росков, но и в наши дни. В 1889 г., ровно через 100 лет после Великой французской революции, по распоряжению и на средства наместника бога на земле вновь были напечатаны бессмертные труды Фомы Аквината, конечно, с тем, чтобы верующее человечество твердо усвоило все изречения Фомы оверху и снизу лежащих дьяволах (инкубах и суккубах). И по какой-то непонятной стыдливости немецкий переводчик Сумм, доминиканец Чеслав-Мария Шнейдер, опустил некоторые места, казавшиеся ему, по-видимому, чересчур циничными, хотя с чисто иезуитской честностью он в предисловии говорит о совершенно полном немецком переводе творений Фомы.

Почти одновременно с Фомой Аквинатом о деяниях дьявола, о заключении с ним добровольного договора и о близости к дьяволу колдунов заговорил и папа Григорий IX. Его выступление в защиту тезиса о существовании вредоносного

дьявола было вызвано чрезвычайно серьезными мотивами.

Жители округа Штединга (в Ольденбурге), крепкие и зажиточные крестьяне, происходившие из Фрисландии, имели частые столкновения с бременским архиепископом на почве нежелания крестьян платить десятину и другие повинности. Так как упорство штедингских жителей наносило ущерб материальным интересам бременской епархии, то архиепископ испросил в 1198 г. разрешения папы предпринять крестовый поход против еретиков, не повинующихся требованию церкви. Папа считал, что отказ от установленной церковью десятины – достаточный повод для объявления крестового похода, и Штедингу была, казалось, приуготовлена тяжелая судьба.

Однако фризско-штедингские крестьяне оказались упрямыми и храбрыми вояками, и спор затянулся: крестоносные отряды терпели одну неудачу за другой, а бременская церковь оставалась без десятины. При таких обстоятельствах решено было прибегнуть к очень серьезным мерам. В Риме заговорили о необходимости создания многотысячной крестовой армии, об устрашающем наказании штедингцев и об искоренении ереси, подрывающей материальные ресурсы церкви.

И папа Григорий IX, полный ужаса и возмущения по поводу тех страшных преступлений, которые совершаются насильниками и безбожниками, называющими себя штедингцами, опубликовал в 1233 г. буллу, в которой подробно из-

лагались неслыханные и невиданные по своей гнусности дела жителей округа Штединга. Когда в эту школу отверженных вступает новый человек, писал глава христианского мира, ему является видение в образе лягушки, которую иные называют жабой. Некоторые гнуснейшим образом целуют ее в зад, другие – в рот и тянут ее язык и слюну, вкладывая их в свой собственный рот. Иногда жаба бывает натуральной величины, иногда она разрастается до размеров гуся или утки, а временами она величиной в кухонную печь. Далее новичку является удивительной бледности мужчина с поразительно черными глазами, худой и истощенный, без всякого мяса, из одних лишь костей. Новичок целует этого кощея и после поцелуя теряет всякое воспоминание о католической религии, и из его груди совершенно уже вырвана мысль о вере. Затем садятся за трапезный стол, а по окончании трапезы из стоящей возле стола статуи вылезает черный кот, ростом с собаку, он плетется задом с опущенным хвостом. Кота целуют все наиболее достойные, те, которые не имеют права его целовать, получают, однако, прощение от старейшего учителя, который обращается к коту с просьбой о прощении, сопровождающейся заверениями других о готовности слушаться и покоряться всем приказам черного кота. После этого тушатся огни и начинаются отвратительнейшие оргии, невзирая ни на какое родство и т. д. Если мужчин оказывается больше, нежели женщин, то мужчины живут половой жизнью с мужчинами же, и отвратительные оргии принимают чрезвычай-

но противоестественное течение. Точно так же поступают и женщины, если их больше, нежели мужчин. Удовлетворив временно свою похоть, они снова зажигают огни, из темного угла появляется человек, верхняя половина которого сияет солнечным светом, а нижняя половина темна, как уже знакомый нам черный кот, но комната освещается лучами верхней части этого человека. Старейший учитель отрывает кусок одежды новичка и передает его сияющему со словами: «Господин, я это получил, а теперь передаю тебе». Сияющий в ответ: «Ты хорошо мне служил и еще лучше и вернее будешь мне служить, твоему попечению передаю то, что я от тебя получил». Сияющий мгновенно исчезает.

И булла Григория IX, передавая с ужасом все подробности этих событий, точно боясь пропустить какую-либо деталь и стремясь в точности передать то, что действительно творится в пределах бременских епархий, в заключение восклицает: «Кто может не разъяриться гневом от всех этих гнусностей?! Кто устоит в своей ярости против этих подлецов (*Filii nequitiae*)?! Где рвение Моисея, который в один день истребил 20 тысяч язычников? Где усердие первосвященника Финееса, который одним копьем пронзил и иудеев, и моавитян? Где усердие Ильи, который мечом уничтожил 450 служителей Валаама? Где рвение Матфия, истреблявшего иудеев? Воистину, если бы земля, звезды и все сущее поднялись против подобных людей и, невзирая ни на возраст, ни на пол, их целиком истребили, то и это не было бы для

них достойной карой! Если они не образумятся и не вернуться покорными, то необходимы самые суровые меры, ибо там, где лечение не помогает, необходимо действовать мечом и огнем, гнилое мясо должно быть вырвано».

И булла, адресованная 13 июня 1233 г. епископам Майнцу и Гильдесгейму и известная под названием Голос в Риме (первоначальные слова буллы), настаивает на вмешательстве в дело штедингцев светского меча и на вооруженном походе против них всех верующих во Христа. Мы же в уповании на божественное великодушие и на мощь апостолов Петра и Павла предоставим отпущение грехов, в силу данной нам власти развязать и отпускать всем, которые вооружатся и предпримут поход с целью искоренения этих еретиков, те же права и преимущества, которые даруются идущим в крестовый поход в святую землю.

То был первый раздавшийся с высоты папского престола призыв действовать огнем и мечом против тех, которые очутились во власти лягушечно-кошачьего дьявола, принимающего иногда размеры кухонной печи. Призыв папы возымел, разумеется, свое действие, и со всех концов северной Германии люди толпами стали устремляться в Бремен, где должен был быть назначен исходный пункт крестового похода.

26 июня, пишет историк Шумахер, посвятивший специальную монографию штедингцам, крестоносцы вторглись в восточную часть Штединга. Разгромы и грабежи приняли широкий размах. Убивали и детей, и женщин. Земля и небо

становились красными от пролитого моря крови. Но не только пожиравший целые деревни огонь свидетельствовал о безумной ярости шедших под знаменем церкви людей – это подтверждало и пламя костров, в которое бросали взятых в плен, и невероятная жестокость творилась именем религии, именем Христа. Однако штедингцы не поддавались. Отступив в западный угол своего большого округа, они создали в нем неприступную позицию и даже целиком истребили отряд в 200 рыцарей во главе с графом Бурхардом Ольденбургским.

Когда бременский архиепископ Гергард убедился, что папскими мечом и огнем не истребить дьявольских сынов, он решил прибегнуть к действию водой и уничтожил шлюзы и плотины рек и ручьев штедингской области. Но и тут крестоносцев постигла неудача, и поход пришлось отложить до весны 1234 г. С первыми весенними днями появились, по словам аббата Эмо из Витт-Верума, словно тучи (*quasi pubes*), в Рейн-ланде, Вестфалии, Голландии, Фландрии и Брабанте целые толпы проповедников, которые звали и приглашали знатного и простолюдина на святое дело истребления впавших в чертовщину еретиков. Некоторые из проповедников забрели даже в Англию, доказывая бенедиктинцам Сент-Албанса необходимость участия в походе, так как штедингское зло может далеко распространиться и охватить весь христианский мир.

В апреле 1234 г. весь цвет германского рыцарства тронулся в поход.

В походе приняли участие граф Людвиг Равесберг, граф Флорентин Голландский, граф Отто Гельдернский, герцог Генрих Брабантский, Адольф VII Бергский, Вильгельм VI Юлихский, Дитрих из Клеве и многие другие.

День 25 мая, посвященный св. Урбану – первому папе, провозгласившему крестовый поход, – был торжественно отпразднован съехавшимися в Бремен рыцарями, а через два дня огромная армия, насчитывавшая до 40 тыс. человек, в сопровождении высших представителей духовенства под церковное пение тронулась в путь, и при деревне Альтенеш завязался бой между крестьянами и крестоносцами. 6000 крестьянских трупов покрыли местность у деревни Альтенеш, и папа Григорий IX, опасаясь, что рядом с трупами еретиков и проклятых мертвым сном покоятся и праведники из крестовой армии, распорядился снова освятить церкви и кладбища близлежащих местностей и воздвигнуть особый крест в память события, ежегодно воспеваемого в бременском соборе при торжественных процессиях как избавление долины нижнего Везера от страшного зла. Жертвующему в день Альтенеша милостыню дается двадцатидневное отпущение грехов, и еще в 1511 г. бременское духовенство напоминает своей пастве о необходимости празднования для победы над штедингцами, самое имя которых, по словам Риполла, чья книга одобрена святейшим Бенедиктом

XIII, означает смесительство, ибо штедингцы прибегали к самому отвратительному виду кровосмесительства.

«Захват Иерусалима крестоносцами в 1099 г.». Художник неизвестен. XIV–XV в.

Призывая к поголовному истреблению штедингцев и описывая в булле Голос в Раме подробности мнимого ритуала страшных еретиков из Штединга, Григорий IX отождествлял

их с катарами и вальденцами и в то же время сближал этих еретиков с колдунами, которые, правда, до сих пор не считались еретиками в прямом смысле этого слова, но которые в своей практике, в своих ритуалах будто были близки катарам. Ведь катары на своих тайных собраниях на синагогах сатаны якобы совершали те же отвратительные акты, что и колдуны, а так как катары представляют собою еретиков, то и колдуны не могут не быть еретиками, подлежащими ведению инквизиции.

Как колдуны, так и еретики являются вассалами своего сеньора, дьявола, и приносят ему обычный в феодальном мире гомагиум (почтение), выражающийся поцелуем. Если место поцелуя отвратительно, то это, по мнению Вильгельма Парижского, объясняется тем, что именно из-за отвратительности акта бог допускает его, и если бы он не был так гнусен, то был бы вообще невозможен. И на тему о синагогальных оргиях, о дьявольских поцелуях, о ночных собраниях еретиков и колдунов, о блуде, богохульстве, о повальном грехе, о содомских извращениях пишутся многочисленные ученые и неученые работы, выводы которых сводятся к тому, что еретики и колдуны мало чем отличаются друг от друга, и если первые подлежат инквизиционному суду, то нет основания изымать вторых из-под его власти, так как в действиях колдунов еретический элемент достаточно силен, чтобы останавливаться еще на вредительской стороне их деятельности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.